ЗАПИСКИ ИИМК РАН

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2019. № 21. 176 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2019. No. 21. 176 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (гл. редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 21 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В разделе «Статьи» публикуются аналитические разработки и материалы как новых полевых изысканий (статьи В. Е. Щелинского с соавторами, Н. С. Мясникова с соавторами, М. Е. Килуновской и П. М. Леуса), так и исследований прошлых лет (работы Л. Б. Кирчо, Л. С. Ильюкова, Ю. В. Степановой с соавторами). Статья А. Д. Резепкина и М. А. Кульковой представляет первые результаты петрографического анализа керамики майкопской и новосвободненской культур. И. Ю. Шауб продолжает изучение изображений античного Боспора, а С. В. Белецкий — серию аналитических публикаций древнерусских княжеских знаков. Важность введения в научный оборот архивных данных и музейных коллекций многолетних раскопок в Старой Ладогe показана в статье В. А. Лапшина. В разделе «Из истории науки» воссоздана научная биография выдающегося отечественного исследователя древнегреческого искусства и античной археологии В. К. Мальмберга. В журнале представлены также материалы разделов «Дискуссия» и «Хроника».

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 21st issue of the “Transactions of IHMC RAS” presents the results of recent studies and discoveries in archaeology and ancient history. The section of Research Papers contains publications of both new (articles by V. E. Shchelinsky with coauthors, N. S. Myasnikov with coauthors, and M. E. Kilunovskaya with P. M. Leus) and old (articles by L. B. Kircho, L. S. Il'yukov, and Yu. V. Stepanova with coauthors) analyses and materials. A. D. Rezepekin with M. A. Kulkova present the first results of petrographic analysis of pottery from the sites of the Maikop and Novosvobodnaya cultures. I. Yu. Schaub continues his research into the iconography of Ancient Bosphorus, while S. V. Beletsky proceeds with a series of publications devoted to the Old Russian princely symbols. The article by V. A. Lapshin is devoted to the archive materials and museum collections resulting from V. I. Ravdonika's excavations at Staraya Ladoga. V. A. Goroncharovsky's paper included in the section “From the History of Science” reconstructs the scholarly biography of an outstanding Russian researcher in the field of Ancient Greek art and archaeology V. K. Malmberg. In addition, the journal includes the sections “Discussion” и “Chronicle”.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>В. Е. Щелинский, М. Ю. Лунёв, Е. В. Кузнецов.</i> Новые исследования раннепалеолитического местонахождения Игнатенков Куток на р. Псекупс в предгорьях Северо-Западного Кавказа	9
<i>А. Д. Резепкин, М. А. Кулькова.</i> Сравнительный анализ керамики из поселений майкопской и погребений новосвободненской культур по данным петрографических исследований	24
<i>Л. Б. Кирчо.</i> Антропоморфные статуэтки периодов позднего энеолита и ранней бронзы из раскопок В. И. Сарияниди на Улуг-депе (Южный Туркменистан).....	41
<i>Л. С. Ильюков.</i> Повозки катакомбной культуры из Донского могильника на левобережье Нижнего Дона	49
<i>Н. С. Мясников, Л. А. Вязов, Н. Н. Скакун, В. В. Терёхина, Е. П. Михайлов.</i> Петроглиф из Ивановково-Ленинского городища Шолм в Среднем Посурье.....	63
<i>И. Ю. Шауб.</i> К вопросу об интерпретации образов дионисийского круга на монетах Пантикапея.....	73
<i>М. Е. Килуновская, П. М. Леус.</i> Знаки-тамги улуг-хемской культуры II–I вв. до н. э. в Туве	82
<i>В. А. Лапшин.</i> К материалам исследований В. И. Равдоникаса на Земляном городище в Старой Ладоге.....	92
<i>С. В. Белецкий.</i> Древнерусские княжеские знаки на пломбах и печатях в публикациях В. В. Нечитайло	97
<i>Ю. В. Степанова, О. В. Орфинская, В. Ю. Соболев.</i> Курганные могильники у д. Кошево и пос. Волга (Тверская область): история изучения и материалы раскопок.....	125

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>В. А. Горончаровский.</i> «Сын античной мудрости...» (В. К. Мальмберг)	140
---	-----

ДИСКУССИЯ

<i>А. Ю. Скаков.</i> К вопросу о местонахождении Фасиса, расселении гениохов и локализации кораксов	153
---	-----

ХРОНИКА

<i>В. В. Гаевская, З. Г. Гайдакова. «Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках»: краткие результаты работы Всероссийской археологической конференции (1–5 октября 2018 г., г. Сургут).....</i>	<i>166</i>
--	------------

AD MEMORIA

<i>Дж. Ф. Хоффекер. Деннис Дж. Стэнфорд (1943–2019)</i>	<i>171</i>
<i>Список сокращений</i>	<i>174</i>

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

<i>V. E. Shchelinsky, M. Yu. Lunev, E. V. Kuznetsov.</i> New works at the Early Paleolithic site of Ignatenkov Kutok on the Psekups river, in the foothills of the Northwestern Caucasus.....	9
<i>A. D. Rezepkin, M. A. Kulkova.</i> Comparative analysis of pottery from the settlements of the Maikop culture and the burials of the Novosvobodnaya culture, with particular reference to the results of petrographic studies	24
<i>L. B. Kircho.</i> Late Eneolithic and Early Bronze Age anthropomorphic statuettes from V. I. Sarianidi's excavations at Ulug-depe (South Turkmenistan)	41
<i>L. S. Il'yukov.</i> Catacomb culture wagons from the Donskoy cemetery on the left bank of the Lower Don	49
<i>N. S. Myasnikov, L. A. Vyazov, N. N. Skakun, V. V. Terekhina, E. P. Mikhailov.</i> Petroglyph from the Sholm hillfort of Ivan'kovo-Lenino in the Middle Sura region.....	63
<i>I. Yu. Schaub.</i> Towards the interpretation of the Dionysian images on Panticapaeum coins	73
<i>M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus.</i> Tamga-like symbols of the Ulug-Khem culture of the II–I cc. BC in Tuva.....	82
<i>V. A. Lapshin.</i> Materials from V. I. Ravdonikas's excavations at Zemlyanoe gorodishche of Staraya Ladoga	92
<i>S. V. Beletsky.</i> Old Russian princely symbols on seals published by V. V. Nechitailo	97
<i>Yu. V. Stepanova, O. V. Orphinskaya, V. Yu. Sobolev.</i> Barrow cemeteries near the Koshevo village and the Volga township (Tver oblast): excavated materials and history of research	125

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

<i>V. A. Goroncharovsky.</i> «Son of Antique wisdom...» (V. K. Malmberg).....	140
---	-----

DISCUSSION

<i>A. Yu. Skakov.</i> Towards the questions of the location of Phasis, the dispersal of Heniochi and the whereabouts of Koraxoi.....	153
--	-----

CHRONICLE

- V. V. Gaevskaya, Z. G. Gaidakova.* «Archaeology of the North of Russia: Yugra — the County of Novgorod the Great in the XI–XV centuries»: brief results of the All-Russia archaeological conference (October 1–5, 2018, Surgut).....166

AD MEMORIA

- J. F. Hoffecker.* Dennis J. Stanford (1943–2019)171
- List of abbreviations174

КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ У Д. КОШЕВО И ПОС. ВОЛГА (ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ): ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК

Ю. В. СТЕПАНОВА, О. В. ОРФИНСКАЯ, В. Ю. СОБОЛЕВ¹

Ключевые слова: *средневековая археология, ингумации, Верхняя Волга, история археологических исследований.*

Статья посвящена вновь выявленным материалам из раскопок древнерусских курганов Верхневолжья, производившихся во второй половине XIX — XX в. Эти материалы дополняют и уточняют представления о хронологии памятников, характере материальной культуры древнерусского населения одного из микрорегионов, расположенных в центре бассейна Верхней Волги, между современными городами Старица и Тверь.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-125-139

История изучения и погребальный инвентарь могильников

В настоящее время в районе д. Кошево и пос. Волга в Старицком р-не Тверской обл. зафиксировано несколько курганных могильников, изучение которых началось еще во второй половине XIX в. В документах этого времени памятники соотносятся с д. Выш-Городище, ключевым пунктом микрорегиона, который прекратил свое существование, вероятно, в середине XX в. Поселок Волга, расположенный немного ниже Выш-Городища по течению р. Волги, возник в 1930-х гг. Исчезновение одного населенного пункта и появление другого затрудняют идентификацию отдельных могильников, так как в источниках XIX — первой половины XX в. речь идет о памятниках близ Кошево и Выш-Городища, а в документах второй половины XX в. — о памятниках у д. Кошево и пос. Волга (Жукова, Степанова 2010: 69, 138–140). При составлении Археологической карты Тверской обл. курганные могильники микрорегиона приурочены к д. Кошево и пос. Волга и имеют соответствующие названия (АКР 2003: 357–358, 375–376).

Первые сведения о раскопках древнерусских курганов в этом микрорегионе появляются в издании «Тверской музей и его приобретения» за 1888 г., где упоминается о раскопках одного кургана у с. Выш-Городище. В нем было обнаружено женское погребение, ориентированное головой на В. Перстень из этого погребения

¹ Ю. В. Степанова — исторический факультет, Тверской ГУ, г. Тверь, 170100, Россия; О. В. Орфинская — Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, 105005, Россия; В. Ю. Соболев — Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева, СПбГУ, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия.

был передан автором раскопок помещиком А. А. Оппелем в Тверской музей. Эта информация была включена в сводный труд В. А. Плетнёва об археологических древностях Тверской губернии (Плетнёв 1903: 133).

В 1909 г. две насыпи у д. Кошево были исследованы членами Московского археологического института А. Д. Воронцовым, Ф. П. Белавиным, А. М. Дамаскиным и Н. Н. Матвеевым (Журнал...: 21–23; Тверской музей... 1911: 8). Курганы имели высоту до 1,5 м, в каждом обнаружено по одному женскому погребению на горизонте. Ориентировка погребенных — ЮЗ и З. В первом из них остатки убора представлены перстнеобразным проволочным височным кольцом в области правого уха, шестью целыми и шестью фрагментированными золотостеклянными цилиндрическими бусинами, семью круглыми орнаментированными и пятью прорезными, предположительно лунницевключенными, привесками из белого металла на груди. Ниже ожерелья из бус и привесок находился круглый бубенчик с остатками ткани и куском дерева. Также на груди погребенной найден фрагмент шерстяной (?) ткани с вышивкой и остатки волос. На левой руке — два бронзовых перстня с утолщенной передней частью и насечками (рубчатых) и бронзовый витой из трех проволок браслет с «камнями на концах» (петлеконечный?). На правой руке — аналогичный витой браслет, пластинчатый загнутоконечный браслет, орнаментированный ромбами из рядов точек, и ажурный перстень с заходящими концами, орнаментированный треугольниками и кружками. Находки поступили в Тверской музей, по сведениям которого, к этому погребению относятся также два проволочных загнутоконечных височных кольца. Погребение можно датировать концом XI — серединой XIII в.²

Во втором кургане, раскопанном в 1909 г., у черепа найдены два браслетообразных височных кольца с одним завязанным концом. В области таза сбоку находился проволочный перстень, около него — каменное (?) пряслице. Проволочные браслетообразные височные кольца, завязанные из одной или двух проволок, позволяют датировать погребение временем до 1116 г. (Лесман 1990: 69–70).

В 1920-х гг. изучение древнерусских курганов у д. Кошево и пос. Волга проводил директор Тверского музея И. А. Виноградов. Он зафиксировал в этом районе три курганные группы, в двух из которых провел раскопки (Виноградов 1924).

Первая группа располагалась на левом берегу р. Волги, в 0,5 км выше д. Кошево, и насчитывала более 100 насыпей, из них было раскопано 11. По-видимому, сейчас это курганный группа Волга, которая, по данным Археологической карты России, насчитывает 132 насыпи. Курганы плотно примыкают друг к другу, хорошо прослеживаются ровики. Высота курганов — 0,3–4,5 м, диаметр — 5–16 м.

В двух курганах (№ 8 и № 9) И. А. Виноградов зафиксировал зольно-угольные прослойки и пережженные кости без находок. С учетом материалов, полученных позднее В. С. Тарасенко (см. ниже), можно предположить, что И. А. Виноградовым были открыты остатки погребений по обряду кремации. В девяти других курганах были исследованы одиночные погребения по обряду ингумации. Все они имели

² Загнутоконечные браслеты (дротовые, крученые, пластинчатые) синхронизируются с 25–9 ярусами мостовых Неревского раскопа (1006–1369 гг.), пик их распространения приходится на XII–XIII вв. (Седова 1981: 94–96, 113; Лесман 1990: 44), рубчатые перстни распространены между 21-м и 14-м ярусами того же раскопа, но, возможно, продолжают свое существование дольше (1096–1268 гг.) (Седова 1981: 122; Лесман 1990: 50).

Рис. 1. Находки из погребения, переданные в ГЭ Д. Д. Муретовым (коллекция ОАВЕС ГЭ, № 714): 1 — шейная гривна; 2 — фрагменты пуговицы-подвески с гвоздевидным окончанием; 3–9 — височные кольца (1, 9 — бронза; 2–8 — серебро). Масштабы: *a* — для № 1, 3–9; *б* — для № 2

Fig. 1. Finds from the burial passed to the State Hermitage by D. D. Muretov (collection of the Department of Archaeology of East Europe and Siberia, No. 714): 1 — torc; 2 — fragments of a button-pendant with a nail-shaped end; 3–9 — temple rings (1, 9 — bronze; 2–8 — silver). Scale: *a* — nos. 1, 3–9; *b* — no. 2

западную ориентировку. Три погребения (в кург. № 1, 4, 7) оказались безынвентарными, в шести погребениях встречены детали костюма и убора. Проволочные височные кольца найдены в каждом захоронении. Среди них преобладают браслетообразные, описанные автором раскопок как кольца с заходящими концами (кург. № 2, 5, 10, 11). В кургане № 11 было найдено шесть височных колец такого типа, три из которых были продеты в кусок кожи, — возможно, фрагмент головного убора или ухо погребенной. В кург. № 2 в уборе сочетались перстнеобразные и браслетообразные височные кольца, по одному с каждой стороны черепа. В кург. № 6 были обнаружены только два перстнеобразных колечка, а в кург. № 5 — височное кольцо с заходящими концами.

В трех погребениях обнаружены бусины. Наибольшее количество их входило в состав ожерелья из кург. № 11: четыре сердоликовые многогранные и одна шарообразная, одна золотостеклянная, полые серебряные зерненные бусы с орнаментом из ромбиков и треугольников из зерни (количество неизвестно), белый бисер плохой сохранности «в большом количестве». В кург. № 6 и № 10 найдено шесть сердоликовых и три глазчатых бусины соответственно. В погребальном уборе они могли как находиться в ожерельях, так и служить пуговицами или нашиваться на одежду.

У двух погребенных пальцы были украшены дротовыми перстнями с утолщенной серединой. Погребенная в кург. № 6, предположительно, была опоясана, к поясу крепился крестопрорезной бубенчик.

Погребение в кург. № 6 может быть датировано концом XI — первой третью XII в.³ Хронология погребения в кург. № 11 на основании находок сердоликовых шарообразной и многогранных бусин (Лесман 1984: 140), вероятно, определяется XI в. Остальные исследованные погребения в этой группе можно датировать широко — XI–XII вв. Погребение не в могильных ямах, а на уровне древней дневной поверхности — это ранний хронологический признак для курганов Верхневолжья (Лесман 1981: 102), что позволяет отнести время совершения захоронений к XI — началу XII в.

Вторая группа, в которой И. А. Виноградов проводил раскопки, располагалась в 1,5 км выше по Волге от д. Кошево и насчитывала 6 насыпей. Здесь был раскопан один курган, под насыпью выявлено погребение в могильной яме глубиной 1 м, найдены только фрагменты керамики.

Третья группа располагалась в 2,5 км ниже по течению Волги от д. Кошево, до нашего времени она, вероятно, не сохранилась. Здесь И. А. Виноградов исследовал три насыпи. В двух из них погребения не были обнаружены. Третья содержала женское захоронение на глубине 0,7 м под зольно-угольной прослойкой (или в зольно-угольном слое). В районе черепа найдено ромбоцитковое височное кольцо и «серьга с пластинчатым ромбом» — вероятно, височное кольцо, сделанное из обломка ромбоциткового кольца.

В декабре 1944 г. в ГЭ поступил комплекс находок, представляющий собой набор женских украшений, происходящий, согласно учетной документации, из одного из курганов у деревни Выш-Городище. Комплекс как дар Д. Д. Муретова⁴ передала Л. Д. Муретова. Можно предположить, что артефакты происходят из одного из курганов, разрушенных устройством сооружений полевой фортификации во время войны или раскопанных неархеологами до войны или сразу после освобождения Тверской обл. Однако возможно, что это сохранившиеся находки из кургана, который был раскопан в последней четверти XIX в. помещиком А. А. Оппелем (Жукова, Степанова 2010: 31, 69).

Коллекция (ГЭ, ОАВЕС, коллекция № 714) включает височные кольца, шейную гривну, бусины и подвески к ожерелью (рис. 1) и круговой горшок, украшенный линейным орнаментом со сложным клеймом на дне (рис. 2).

Височные кольца диаметром около 10 см — двух типов: шесть браслетообразных, один из концов которых расплюсчен и закручен вокруг другого (рис. 1, 3–8)⁵, и одно со спиральным завитком наружу (рис. 1, 9).

Гривна (рис. 1, 1), витая из двух отрезков дрота круглого сечения, более толстого в средней части и утончающегося к краям; оба конца обломаны, скорее всего,

³ Датруется по находкам сердоликовых бипирамидальных бус (21–12 ярусы Неревского раскопа) (Лесман 1984: 140) и бронзового крестопрорезного бубенчика (до 20-го яруса того же раскопа) (Лесман 1990: 60) 1096–1134 гг.

⁴ Возможно, известный публицист начала XX в., сотрудник литературно-политического журнала «Русская мысль», выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета.

⁵ Номера предметов на рис. 1 соответствуют номерам по коллекционной описи.

спаянные концы дрота представляли собой раскованные овальные щитки. Этот тип шейных обручей является наиболее распространенным на территории Древнерусского государства (Фехнер 1967: 70–71).

Ожерелье погребенной состояло из 29 золотостеклянных бусин, фрагментов не менее трех серебряных полых тисненных бусин с треугольниками зерни, вероятно, в ожерелье же находились и не менее трех серебряных полых шарообразных пуговиц (рис. 1, 2). Пуговицы, тисненные из тонкого серебряного листа, почти фольги, изготовлены из двух спаянных половинок, в верхней части имеют петельчатое продольноорифленное ушко, а в нижней — украшены пирамидкой-«гроздью» из четырех или пяти крупных (2–3 мм) серебряных шариков. На древнерусской территории такие находки весьма редки. Видимо, они связаны с кругом византийских древностей (Bikič 2010: 113–114, Sl. 87, 8)⁶.

Тисненные пуговицы с гроздьем зерни не раз привлекали внимание исследователей (Рябцева 2006; Платонова 2017: 136–138; Соболев 2019: 301). Недавнюю сводку погребений, в которых найдены аналогичные артефакты, составленную Н. И. Платоновой (2017: 137–141), можно дополнить, кроме описываемого погребения, материалами из поселений и кладов⁷ и находками, происходящими из кладоискательских раскопок⁸. Вне древнерусской территории пуговица с «гроздьем» из крупных шариков зерни была найдена в Laiuse Raabise (Восточная Эстония, к северу от Тарту) (Tallgren 1925: Abb. 176), аналогичные пуговицы депонированы в составе нескольких денежно-вещевых кладов Готланда (Stenberger 1947: Abb. 182, 1,

Рис. 2. Горшок из погребения, переданный в ГЭ Д. Д. Муретовым (коллекция ОАВЕС ГЭ, № 714), и прорисовка клейма

Fig. 2. Pot from the burial passed to the State Hermitage by D. D. Muretov (collection of the Department of Archaeology of East Europe and Siberia, State Hermitage, № 714) and a drawing of stamp

⁶ Благодарю коллегу Перицу Шпехара (Белград) за помощь и любезную консультацию.

⁷ Находка из раскопок Гнёздовских курганов В. И. Сизова, Гнёздовского городища 1940 г., в составе клада близ Белогостицкого монастыря 1836 г., клада 1837 г. из Ветшаного города во Владимире, клада 1906 г. из урочища Собачьи Горбы близ Новгорода и клада из этого же урочища начала 2000 гг. (возможно, это не отдельный клад, а часть клада 1906 г.). Стоит еще раз обратить внимание на схожие по форме и способу изготовления пуговицы, которые были найдены в составе Гнёздовских кладов 1993 г. и 2001 г., но у них «грозди» отсутствуют.

⁸ «Клад» из Любытинского р-на Новгородской обл., 2009 или 2010 г., и найденный на Украине клад ломаных серебряных украшений, выставленный на аукционе Viology в 2015 г.

Рис. 3. Находки из могильника Волга, поступившие в Тверской ГУ в 2018 г.:
1–3 — височные кольца, серебро; 4 — фрагмент текстильного изделия, шелк, кожа

Fig. 3. Finds from the Volga cemetery received by Tver State University in 2018:
1–3 — temple rings, silver; 4 — fragment of a textile object, silk, leather

Abb. 190, 12; 1958: 99–101, 115–117). Реконструируемое Н. И. Платоновой использование этих изделий по своему «первоначальному» назначению — именно как пуговиц, застегивавших престижную, «элитарную» верхнюю женскую одежду, сходную с мужским кафтаном, — весьма интересно, однако требует пополнения источниковой базы и/или дополнительной аргументации. В документированных археологических исследованиях находки полых серебряных пуговиц с гроздевидным окончанием фиксировались в районе черепа, шеи, верхней части груди погребенной. Полевая и отчетная документация скорее свидетельствует об использовании рассматриваемых артефактов как деталей ожерелья, декоративных подвесок к нему, как это случалось с поясными накладками круга кочевнических древностей⁹.

Украшенный линейным орнаментом круговой горшок, вероятно, стоявший в ногах погребения, примечателен сложным клеймом, включавшим изображение ключа, разделенного на квадратные ячейки прямоугольника и двух небольших треугольников, соединенных линиями (рис. 2).

Несмотря на небольшое число хронологически значимых типов, данный комплекс может быть синхронизирован с 23–20 ярусами Неревского раскопа и датирован достаточно узко — 1055–1116 гг.¹⁰

В 1956 г. преподавателем Калининского педагогического института В. С. Тарасенко один из курганов у д. Кошево был исследован колодцем, в котором обнаружено

⁹ Например, курганная группа Которск III, кург. 16 (Михайлова, Соболев 2017: рис. 3, 15) или Гнёздово, кург. Ц-198.

¹⁰ Проволочные браслетообразные височные кольца, завязанные из одной или двух проволок (до 20-го яруса Неревского раскопа Новгорода / до 1116 г.) (Лесман 1990: 69–70), бусы золотостеклянные с каймой (26–18 ярусы того же раскопа / 989–1161 гг.) (Лесман 1984: 139), бусы ложнозолотостеклянные с каймой (23–12 ярусы / 1055–1281 гг.) (Там же: 139).

большое количество угля (Тарасенко 1956). К сожалению, в послевоенные годы провинциальными археологами практиковались раскопки курганных насыпей по устаревшей методике.

В 1977 г. разведочный отряд Верхневолжской археологической экспедиции обнаружил при раскопках стоянки Кошево 2 два грунтовых погребения (Крайнов 1977). По-видимому, курганные насыпи над ними не сохранились. Одно из них женское, с западной ориентировкой, сопровождалось двумя височными кольцами среднего диаметра у черепа, железной пряжкой и свинцовой пронизкой (игольником?) в области пояса.

В 2018 г. в Археологический музей Тверского ГУ поступили предметы, обнаруженные в курганном могильнике Волга местным жителем¹¹ в 1997 г. Все они происходят из одного погребения. Это три фрагмента проволочных браслетообразных височных колец, перстнеобразное височное кольцо и фрагмент текстильного изделия из шелка и кожи. В этом же погребении находились три бронзовые пуговицы грибовидной формы с овальным ушком, однако они не сохранились.

Браслетообразные височные кольца (обломки относятся не менее чем к 2 экз.) изготовлены из проволоки белого металла толщиной 1,5 мм, имеют диаметр от 5 до 8 см (рис. 3, 2, 3), конец одного из колец был завязан. По размерам и оформлению они аналогичны серии височных колец из могильника Избрижье, находящегося в 8 км ниже по течению Волги. Перстнеобразное височное кольцо диаметром 1,5 см также изготовлено из проволоки белого металла, его обрубленные концы несомкнуты (рис. 3, 1). Сочетание браслетообразных и перстнеобразных височных колец встречается в погребальном уборе соседнего Избрижского могильника и расположенных восточнее погребальных памятников микрорегиона в устье р. Шоша (Степанова 2009: 56).

Находки текстиля из могильника Волга

Находки деталей убора и/или одежды, изготовленных из органических материалов, в древнерусских погребениях довольно редки и требуют подробного анализа. Общий размер сохранившегося фрагмента текстиля из могильника Волга (рис. 3, 4): высота — 3,6 см, ширина — 6,3 см. Фрагмент имеет прямоугольную форму и состоит из двух слоев: лицевого (ткань с вышивкой) и изнаночного (кожаная подложка). Размеры шелковой ткани: высота — 3,6 см, ширина — 6,3 см; размеры кожаной полосы: высота — 2,6 см, ширина — 2,5 см.

Тканая полоса вырезана вдоль нитей основы и имеет подгибы по трем сторонам: одной короткой и двум длинным. Подгибы составляют 0,2–0,5 см.

Фрагмент кожи прямоугольной формы, две стороны имеют четкие срезы, а две другие борваны. На коже фиксируются следы проколов от иглы с шагом примерно 0,5 см, скорее всего, от шва, соединявшего кожу и ткань.

От вышивки сохранились две арки высотой 2,9 см и шириной 2,2 см. В одной из них изображена поясная фигура человека, во второй — круг. Рисунок имеет четко выраженные направления верх–низ. На голове изображения человека сохранились светло-желтые волосы (?), глаза и рот. Его одежда была перекрыта золотными

¹¹ Приносим свою благодарность студенту исторического факультета Тверского ГУ В. В. Стойка за помощь в получении материалов.

Рис. 4. Текстильное изделие, поступившее в Тверской ГУ в 2018 г., микрофотография нитей: 1а, 1б — нити основной ткани; 2а, 2б — нити вышивки (а, б — увеличение разное)

Fig. 4. Textile object received by Tver State University in 2018, microphotograph of threads: 1а, 1б — threads of the main cloth; 2а, 2б — embroidery threads (а, б — varied magnification)

нитями. Над плечами тонким швом вышиты небольшие круги. Этим же швом выполнены и арки. Еще один небольшой круг сохранился в нижней части второй арки, где центральное место занимает полностью перекрытый золотом круг. В верхней части фрагмента проходит пояс геометрических фигур, средний размер которых составляет $0,4 \times 0,4$ см. Слева направо — прямоугольник, затем пятиугольник с вершиной, направленной вниз, следом пятиугольник с вершиной, направленной вверх, и опять прямоугольник. Фигуры по расположению на полотне не связаны с арками, то есть если крайний справа прямоугольник расположен почти точно над центром арки с фигурой человека, то центральная ось следующей арки проходит между прямоугольником и пятиугольником. Полоса геометрических фигур подчеркнута четырьмя золотыми нитями.

На просвет видно, что вышивка была более сложной, так как на ткани имеются многочисленные отверстия, вероятно, от иглы, оставленные неопределенным швом, выполненным полностью утраченной в настоящее время нитью. Можно выделить три типа проколов:¹² условно одиночные, двойные и расположенные

¹² Под проколом мы понимаем небольшое отверстие в ткани, образованное острым предметом, чаще всего иглой, которая, проходя через ткань, раздвинула нити, но не порвала их.

по одной линии. Отдельные проколы зафиксированы по столбам арок. Двойные фиксируются на груди фигуры и по ее контуру. В нижней части фигуры на лицевой стороне заметен след от очень плотного шва, где проколы расположены в одну линию. Возможно, это двойные проколы, развернутые в одном направлении. Во второй арке золотой круг также обведен парными проколами, а по верхнему краю фрагмента, выше и ниже полосы из четырех золотных нитей проходят линии одиночных проколов. Отдельные проколы верхнего ряда заходят на полосу из золотных нитей и, вероятнее всего, были ими закрыты. Учитывая сохранность объекта и его легкую деформацию, эти проколы нельзя интерпретировать однозначно.

При визуальном и микроскопическом исследовании объекта в верхней его части хорошо видно, что геометрические фигуры сначала были вышиты на ткани, а затем ткань была подвернута, причем часть фигур ушла на изнаночную сторону. На изнаночной стороне фрагмента в нижней части сохранились остатки кожи, а на фрагменте кожи именно с этой стороны зафиксирован обрыв.

Основной тканью данного изделия является шелковая саржа 2 : 1, зеленого¹³ цвета. На микрофотографиях хорошо видно, что плотность ткани внутри геометрических фигур существенно выше, чем плотность ткани на соседних участках (рис. 4, 1а, 1б).

Нити основы — шелк зеленого цвета со средней Z круткой толщиной 0,10–0,25 мм. Нити утка — шелк зеленого цвета без крутки толщиной 0,20–0,30 мм. Плотность ткани неравномерная, средняя — 40–42 нити основы на 28–36 нитей утка на 1 см. Почти на всей поверхности нити сдвинуты и растянуты вышивкой. В геометрических фигурах по верхнему краю плотность утка составляет 44 нити (пересчет на 1 см), а на соседнем участке, расположенном между двух фигур, она составляет 28 нитей (пересчет на 1 см). Можно предположить, что первоначальная плотность ткани была около 40 нитей основы и 30 нитей утка на 1 см.

Для вышивки использовали шелковые и, вероятно, золотные нити. Шелковые нити представлены тремя видами. Золотные нити (?), которые в настоящее время полностью утрачены, крепились швом «в прикреп». На лицевой стороне ткани хорошо видны небольшие (0,5–0,8 мм) стежки, которые шли поперек золотной нити. Шаг крепления неравномерный (от 0,5 до 2,0 мм), расстояние между золотными нитями различное (от 0,5 до 1,0 мм). Система крепления — простая сетка или крепление в шахматном порядке — не везде выдерживалась. На изнаночной стороне нити прикрепа делают достаточно длинные пробросы.

Нить прикрепа — шелковая бежевая нить II порядка (S, 2z), общая толщина нити 0,5 мм. Нити, которые использовались для изображения арок (рис. 4, 2а, 2б), небольших кругов над плечами и геометрических фигур по верхнему краю фрагмента, имеют более темный цвет. Эти части вышиты стебельчатым швом. На отдельных участках шов можно назвать «в раскол», так как игла проходит сквозь нить, но в основном все же проколы расположены рядом. Длина стежков неравномерная (2,5–4,0 мм), линии лишены плавности.

Шелковые нити стебельчатого шва имеют второй порядок крутки (S, 2z) и толщину 0,5 мм. Можно предположить, что они имели красный цвет.

Нити, не имеющие крутки, использовались для вышивки ромбов в пиках, завершающих арки, волос (?), глаз и рта фигуры. Глаза и рот выполнены одним или

¹³ Микроскопические исследования.

двумя параллельными стежками, а для создания объема на голове применена односторонняя гладь. Эти нити, толщиной 0,3–0,8 мм, вероятно, были желтого или бежево-золотистого цвета.

Также на ткани фиксируются следы от швов, нити которых в данный момент полностью отсутствуют. По хорошей сохранности шелка можно предположить, что полностью утраченные нити были не шелковыми, а шерстяными или нитями из растительных волокон.

Завершение столба в арке выполнено в форме ромба, контур которого вышит стебельчатым швом, а внутреннее пространство заполнено шелковыми нитями без крутки.

Результаты визуального исследования позволяют предположить, что вышивка была выполнена на прямоугольном куске ткани, который затем подогнули и прикрепили по периметру на кожаную полосу, ширина которой совпадала с шириной подогнутой ткани. Все три стороны закрыты, и, следовательно, данное изделие не могло быть пришито по своей длинной стороне к чему бы то ни было. Это самостоятельное, завершённое изделие. К таким изделиям могли относиться воротники на жесткой основе, которые не пришивались на одежду, а носились самостоятельно, как ожерелье (Сабурова 1976: 229). Также данное изделие могло являться налобной повязкой (венчиком). Вариант, что шелк был нашит на некий кожаный головной убор, отпадает, так как оборванный край кожи соответствует нижнему краю шелковой полосы, а верхний край кожи имеет четкий срез.

Микроскопические исследования остатков швов позволяют выдвинуть ряд предположений. Линии из одиночных проколов могли быть оставлены швом «вперед иголку». Если этим швом пройти два раза, то есть вперед-назад, используя уже сделанные ранее проколы, то остается ряд достаточно больших отверстий, расположенных по прямой линии. Нельзя исключить и другие варианты. Двойные проколы оставляют швы «назад иголкой» (стебельчатый и шов «в раскол»), а также шов прикрепа. Одиночные проколы могли быть случайными или остатками шва с достаточно большим шагом. Бесспорно, часть «проколов» могла быть образована корешками растений, а часть «закраться» от времени.

Разная сохранность нитей может быть объяснена их природой: растительные (например, лен) или шерсть — не сохранились, а шелковые — сохранились. Случаи использования шелка и шерсти одновременно в одной вышивке нам пока не встречались. Льняные же нити применялись в ткачестве шелковых лент наравне с шелком и золотными нитями (Кочкуркина, Орфинская 2014: 45–46, 117). Можно предположить, что льняные (или иные растительные) нити в вышивке могли использовать для создания узора белого цвета.

Техника вышивка «в прикреп», когда золотные нити ровно лежат на поверхности ткани, отмечается на многих экземплярах древнерусской вышивки, в том числе из Ивоворского могильника (Комаров, Ёлкина 1976: 235). Стебельчатый шов в основном являлся контурным (Энговатова и др. 2005). Качество исполнения исследованной вышивки не позволяет отнести ее к идеально выполненным работам. Окраска шелковой ткани также не отличается высоким качеством. Микроскопическое исследование шелковых волокон в проходящем поляризационном свете показало, что синий краситель индиго расположен неравномерными группами на поверхности волокон, что, скорее всего, указывает на окраску не самих волокон, а нитей или целого куска ткани.

Структура ткани и качество ее окраски очень схожи с характеристиками ткани воротничка-ожерелки из Приладожских курганов (Кочкуркина, Орфинская 2014: 57, 102), где было высказано предположение о центрально-азиатском импорте ткани.

Геометрические фигуры в полосе по верхнему краю могли имитировать драгоценные камни. Очень осторожно можно предположить, что внутри этих фигур были укреплены некие вставки, например, из тонкого стекла или слюды. Именно наличие непластичного материала обеспечило бы сохранность ткани, помогло бы сохранить ее изначальную плотность, то есть препятствовало бы ее растяжению. Разница в плотности нитей утка внутри фигур и с внешней их стороны указывает также на то, что данное изделие долго использовали и достаточно сильно растягивали. Таким образом, в данном случае погребение было совершено, вероятнее всего, в прижизненном костюме. Если разность в плотности ткани объяснять наличием вставок, то получается, что их убрали до того, как подогнули края для укрепления шелка на кожаную подложку.

Элементы орнаментальной композиции вышивки имеют аналогии на предметах декоративно-прикладного искусства и в архитектурном орнаменте Древней Руси. Арочные фризмы мы встречаем во владими́ро-суздальской и старорязанской архитектуре (Вагнер 1997: 192). Арочные композиции присутствуют в декоре браслетов-наручей из кладов — Тверского (1906 г.), Старорязанского (1966 г.), Серенского (реконструкция по литейной форме) и др. (Жилина 2014: 91–95, рис. 65–69).

Находки древнерусской вышивки с арочной композицией и человеческими фигурами происходят из монастырских и сельских некрополей. Арочная деисусная композиция присутствует на поручах из Новгородского государственного музея-заповедника (Игнашина 2003: 25). Хронология поручей определяется как первая четверть XIII в., а воспроизведенный на них мотив аркады по типу и характеру художественного исполнения близок византийской схеме (Пуцко 2005: 52–53).

Композиции с изображениями древа в арочках вышиты на очелье из могильника Каргашино 2 (Звездочка), на воротниках из Деревяницкого могильника и из Смоленска (Сабурова 1997: 98, 100, табл. 66, 13, 67, 6; Катасонова 2008). Композиция «олени в арках» реконструирована на ленте XII в. из Старой Руссы (Орфинская и др. 2017), а «птицы в арках» встречены на вышивке из Приладожских курганов, датированных концом X — началом XI в. (Кургино 2) и XII в. (Кяргино-Круглицы-5) (Кочкуркина, Орфинская 2014: 21, 60–62, 116).

Вышитое изделие с композицией из арок происходит из Иворовского могильника (Иворовское 2), расположенного в 26 км выше по течению р. Волги от могильника Волга (Комаров, Ёлкина 1976). «Очелье» из Иворовского могильника было найдено в подкурганном женском погребении, на лобных костях черепа. Вышитая композиция «очелья» состоит из 15 арочек, в которые помещены поясные изображения святых. Находка датирована XII в. Вышитая фигура, помещенная в арку, на фрагменте из могильника Волга аналогична фигурам «очелья» из Иворовского, однако это может быть и просто изображение женской фигуры. Изображения похожих «девичьих головок» в «кокошниках» вышиты на воротнике XII в., найденном в могильнике Коханы (Смоленская обл.) (Фехнер 1993: 9, рис. 3, 7).

Круг, расположенный во второй арке, также имеет аналогии в вышивке: композиции с кругами происходят из Суздальского некрополя, могильников Караш, Маклаково, Асеево, Коханы (Там же: 7–10).

Круг в вышивке из могильника Волга был полностью заполнен стежками золотными нитями. Маленькие кружки над плечами фигуры, скорее всего, не относятся к аркам, так как не имеют зеркального отражения на другой стороне столба. Вероятно, они связаны с фигурами или являются самостоятельными элементами. В пользу последнего можно рассматривать наличие аналогичного круга в нижней части второй арки. Может быть, как и верхние геометрические фигуры, эти кружки заполнялись имитациями «драгоценных камней» — кусочками слюды или стекла. Аналогии использования такого декора одежды происходят из погребения Оль-30 (вторая половина X в.) Гнёздовского погребального комплекса. Здесь обнаружены миниатюрные разноцветные стеклянные пластины (около 100 экземпляров) квадратной, прямоугольной и листовидной формы, вырезанные из обломков сосудов и оконного стекла (Ениосова, Пушкина 2012: 60). Судя по компактному расположению пластин в погребальной камере, они украшали несохранившееся изделие из органики, сложенное в несколько слоев. Накладки, вероятно, нашивались на текстиль с помощью шелковых или золотных нитей, обрывки которых также зафиксированы в этом погребении. Размер пластин — около 1 см. Размер декоративных пластин, которые могли использовать в декоре изделия из могильника Волга, несколько меньше — около 0,5 см. Предположение о наличии декора из кусочков слюды или стекла на изделии из могильника Волга не противоречит и данным о более поздней, широко распространенной традиции украшения головных уборов и воротников блестками и стеклярусом. Образец вышивки из могильника Волга имеет аналогии в приемах изготовления в орнаментальной композиции среди вышитых изделий XII — начала XIII в.

Заключение

С учетом хронологии находок погребения по обряду ингумации могильника Волга можно датировать концом XI — XII в. Вероятное наличие кремаций в могильнике позволяет отнести начало его функционирования к концу X — началу XI в. (Степанова 2010: 290–296).

Женский убор из могильника Волга схож с убором из ближайших памятников Верхневолжья, прежде всего могильника Избрижье (Степанова 2009: 54). Находка пуговиц с гроздевидным окончанием и использование вышитых деталей, являющихся престижными элементами костюма, свидетельствуют об относительной зажиточности местного населения. Декор шелкового вышитого изделия сближает его с памятниками как Новгородской, так и Северо-Восточной Руси. Напомним, что по размерам могильник Волга является, как и могильник Избрижье, одним из крупнейших на рассматриваемом участке бассейна Верхней Волги. Население, оставившее оба этих памятника, вероятно, было связано с функционированием части сухопутного средневекового (возможно, и более раннего) селигерского пути. Сведения о наличии в этом районе переправ через Волгу сохранились в позднесредневековых письменных источниках. Так, в XVI в. в рассматриваемом микрорегионе находился погост «Семена Святого на броду» (Писцовые материалы... 2005: 40). По мнению П. Д. Малыгина и С. В. Богданова, проходившая здесь сухопутная дорога пересекала Волгу и ее приток Шошу и связывала Новгород, Торжок и Волоч Ламский в XI–XIII вв. (Малыгин 1994: 122; Богданов 2006). П. Д. Малыгин обратил внимание также на расположение у пос. Волга в районе реконструируемой

им трассы прохождения пути, кроме древнерусских курганных групп, памятников предшествующей эпохи — сопковидных насыпей. Скопления сопков, выделенные исследователем, Тверецкое и Волжско-Шошинское, соответствуют Новоторжско-Волоцким территориям XII в. (Малыгин 1994: 122). Палеоантропологические материалы из раскопок соседнего могильника Избрижье свидетельствуют о близости местного населения как верхневолжским сериям, так и популяциям Новгородской земли (Степанова и др. 2009).

Литература и источники

- АКР 2003. — Археологическая карта России: Тверская область / Кашкин А. В. (ред.). М.: ИА РАН, 2003. Ч. 1. 258 с.
- Богданов 2006 — Богданов С. В. Новгородская дорога на участке Волок (Ламский) — Торжок // ННЗИА. 2006. Вып. 20. С. 211–214.
- Вагнер 1997 — Вагнер Г. К. Архитектурный декор Руси X–XIII веков // Колчин Б. А., Макарова Т. И. (отв. ред.). Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 186–204.
- Виноградов 1924 — [Виноградов И. А.]. О раскопках И. А. Виноградова в Тверском уезде // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 149.
- Ениосова, Пушкина 2012 — Ениосова Н. В., Пушкина Т. А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сердюк Е. М., Фарбей А. М. (ред.). Материалы V Судацкой МНК «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре» (г. Судак, 23–24 сентября 2010 г.). Киев; Судак: ТОВ «Горобец», 2012. С. 34–85 (Сугдейский сборник. Вып. 5).
- Жилина 2014 — Жилина Н. В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: Либроком, 2014. 400 с.
- Жукова, Степанова 2010 — Жукова Е. Н., Степанова Ю. В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения: Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга, 2010. 351 с.
- Журнал... — Журнал 108 заседания Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, б/г, б/и. 30 с.
- Игнашина 2003 — Игнашина Е. В. Древнерусское лицевое и орнаментальное шитье в собрании Новгородского музея: Каталог. Великий Новгород: Моби Дик, 2003. 128 с.
- Катасонова 2008 — Катасонова Е. Ю. Золотное шитье домонгольской Руси // Убрус. СПб., 2008. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strangelove.net/~kieser/Russia/Garb/katsonova.pdf> (дата обращения: 02.09.2016).
- Комаров, Ёлкина 1976 — Комаров К. И., Ёлкина А. К. Курганный могильник в окрестностях г. Старицы // Кольцов Л. В., Зимина М. П., Гадзяцкая О. С. (отв. ред.). Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. С. 226–238.
- Кочуркина, Орфинская 2014 — Кочуркина С. И., Орфинская О. В. Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2014. 140 с., 66 ил., 8 табл.
- Крайнов 1977 — Крайнов Д. А. Отчет о работах Верхневолжской археологической экспедиции за 1977 г. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 6618, А, Б.
- Лесман 1981 — Лесман Ю. М. К методике разработки хронологии древнерусских памятников // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 98–103.

- Лесман 1984 — Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгорода (проблемы синхронизации) // Лебедев Г. С. (ред.). Археологические исследования Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 118–153.
- Лесман 1990 — Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XV вв.) // Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.: Новгородский государственный музей-заповедник, 1990. С. 29–98.
- Малыгин 1994 — Малыгин П. Д. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Черных И. Н. (отв. ред.). Тверской археологический сборник. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 1994. Вып. 1. С. 116–128.
- Михайлова, Соболев 2017 — Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере Которского погоста) // Платонова Н. И. (отв. ред.). *Élite ou Égalité...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 148–158.
- Орфинская и др. 2017 — Орфинская О. В., Чуткина С. С., Титова Л. А. Исследования домонгольской вышивки из археологических раскопок 1966–1974 годов в городе Старая Русса Новгородской области // *Genesis: исторические исследования*. 2017. № 5. С. 127–143. DOI: 10.7256/2409-868X.2017.5.20642. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_20642.html.
- Писцовые материалы... 2005 — Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Антонов А. В. (сост.). Тула: Гриф и К°, 2005. 758 с.
- Платонова 2017 — Платонова Н. И. К вопросу об интерпретации «богатых погребений» на древнерусских могильниках второй половины XI — начала XII в. // Платонова Н. И. (отв. ред.). *Élite ou Égalité...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 124–141.
- Плетнёв 1903 — Плетнёв В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь: Тип. Губернского Правления, 1903. 519 с.
- Пуцко 2005 — Пуцко В. Г. Хутынские произведения-реликвии первой четверти XIII в. // Янин В. Л. (отв. ред.) Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Вып. 10 (20). С. 45–53.
- Рябцева 2006 — Рябцева С. С. О «гроздевидных» украшениях // Пескова А. А., Щеглова О. А., Мусин А. Е. (ред.-сост.). Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: ММНК, посвящ. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 273–285.
- Сабурова 1976 — Сабурова М. А. Стоячие воротники и «ожерелки» в древнерусской одежде // Вагнер Г. К., Лихачёв Д. С., Раппопорт П. А. (ред.). Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 226–230.
- Сабурова 1997 — Сабурова М. А. Древнерусский костюм // Колчин Б. А., Макарова Т. И. (отв. ред.). Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 93–109.
- Седова 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Соболев 2019 — Соболев В. Ю. Два комплекса древнерусского времени из фондов Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа // ННЗИА: Материалы XXXII науч. конф., посвящ. памяти Н. Н. Гринёва. 2019. Вып. 32. С. 298–304.
- Степанова 2009 — Степанова Ю. В. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Изд-во Тверского ГУ, 2009. 364 с.
- Степанова 2010 — Степанова Ю. В. Хронология погребальных комплексов Верхневолжья // КСИА. 2010. № 224. С. 285–296.

- Степанова и др. 2009 — Степанова Ю. В., Пежемский Д. В., Жукова Е. Н. Древнерусское население Верхневолжья: погребальный обряд и палеоантропология (по материалам Избрижского могильника) // Вестник Тверского ГУ. Серия: История. 2009. Вып. 1. С. 90–107.
- Тарасенко 1956 — Тарасенко В. С. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Волги от г. Калинина до г. Старицы в 1956 г. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 1232.
- Тверской музей... 1911 — Тверской музей и его приобретения в 1910 г. / Колосов В. (сост.). Тверь: Губернская тип., 1911. 55 с.
- Фехнер 1967 — Фехнер М. В. Шейные гривны // Рыбаков Б. А. (ред.). Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия, 1967. С. 55–87 (Тр. ГИМ. Вып. 43).
- Фехнер 1993 — Фехнер М. В. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного Исторического музея // Недошивина Н. Г. (отв. ред.). Средневековые древности Восточной Европы. М.: ГИМ, 1993. С. 3–21 (Тр. ГИМ. Вып. 82).
- Энговатова и др. 2005 — Энговатова А. В., Орфинская О. В., Голиков В. П. Исследования золототканых текстильных изделий из некрополей Дмитровского кремля // Макаров Н. А., Чернецов А. В. (отв. ред.). Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 176–195.
- Bikić 2010 — Bikić Vesna. Vizantijski nakit u Srbiji. Modeli i nasleđe. Beograd: Arheološki institut (Alta nova), 2010. 207 str.
- Stenberger 1947 — Stenberger M. Die Schatzfundes Gotlands der Wikingerzeit. II Fundbesreibung und Tafeln. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1947. 260 s.
- Stenberger 1958 — Stenberger M. Die Schatzfundes Gotlands der Wikingerzeit. I. Text. Stockholm (Uppsala 1958). II. Fundbesreibung und Tafeln. Lund, 1947. 383 s.
- Tallgren 1925 — Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis. II. Von 500 bis etwa 1250 n. chr. Dorpat: C. Mattiesen, 1925. 204 s.

BARROW CEMETERIES NEAR THE KOSHEVO VILLAGE AND THE VOLGA TOWNSHIP (TVER OBLAST): EXCAVATED MATERIALS AND HISTORY OF RESEARCH

YU. V. STEPANOVA, O. V. ORPHINSKAYA, V. YU. SOBOLEV

Keywords: *Medieval archaeology, inhumation, Upper Volga, history of archaeological studies.*

The paper deals with newly discovered materials from the excavations of Old Russian barrows of the Upper Volga region carried out in the second half of the XIX–XX cc. These materials complement and elaborate our knowledge about the chronology of the sites and the character of material culture of the region situated in the center of the Upper Volga basin between the present day towns of Staritsa and Tver.